

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА

В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор

Имя Варвары Павловны Адриановой-Перетц стоит в ряду имен первых русских женщин-филологов. В течение всей своей жизни В. П. Адрианова-Перетц сочетала научную работу с педагогической деятельностью, которую начала в ранней молодости с преподавания в гимназии, затем в вузе и продолжала до последних дней, подготавливая аспирантов и научных сотрудников, давая консультации, проводя собеседования, обсуждая, рецензируя и редактируя работы молодых (а подчас уже и не молодых) исследователей медиевистов, историков и литературоведов, фольклористов, специалистов по новой и советской литературе, журналистов, писателей и студентов.¹

23 января 1911 г. в журнале «Студенческая мысль» появилась статья под сенсационным заглавием,² автор которой приветствовал женщин, ставших первыми преподавателями киевской высшей школы: «Первыми, ныне прокладывающими новый путь, в этом отношении являются В. П. Адрианова и С. А. Щеглова, приглашенные советом Высших женских курсов, учрежденных А. В. Жекулиной, для преподавания истории русской литературы, во внимание к их научным работам». Далее шла обстоятельная характеристика исследований В. П. Адриановой и С. А. Щегловой, опубликованных ими в 1908—1911 гг., и давалась оценка важности для науки и общества происшедшего события: «Один перечень научных работ госпож Адриановой и Щегловой, авторитетность изданий, в которых их труды были напечатаны, и отзывы о них специалистов дают нам достаточно оснований для суждения о том, насколько молодые ученые достойны звания, которым они недавно облечены, и насколько они сумеют справиться с важной и ответственной задачей, на них возложенной. Избрание женщин в преподавательский персонал высшего учебного заведения — факт, впервые наблюдаемый в академической жизни Киева, — имеет огромное общественное значение».³ О том, как справилась с важной и ответственной задачей своей В. П., свидетельствует не только библиография книг и статей, написанных и отредактированных ею (библиографический перечень ее работ составил отдельную книжечку),⁴

¹ Сохранившаяся часть обширной переписки В. П. с различными корреспондентами хранится ныне в архивах ИРЛИ и ЦГАДА.

² А. Харащ. Женщины на кафедре высшей школы в Киеве. — Студенческая мысль, Киев, 23 января 1911, стр. 6.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 4, М., 1963. 57 стр. Дополнением к этой библиографии является составленный мной «Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1967 годы. (Продолжение)» (ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1968, стр. 15—20).

но и факты ее научной биографии: в 1911—1914 гг. она преподает на Высших женских курсах в Киеве, а затем, в 1915—1917 гг., — в Петрограде на Высших педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики; в 1917 г. защищает магистерскую диссертацию при Петроградском университете; в том же году следует избрание В. П. экстраординарным профессором Петроградского педагогического института; в 20-е годы В. П. — преподаватель Самарского университета, затем вновь — Петроградского педагогического института; с 1921 по 1930 г. она работает на курсах по подготовке научных сотрудников в Государственном институте истории искусств (в Ленинграде); в 1926 г. избирается членом-корреспондентом Украинской Академии наук, а в 1943 г. — членом-корреспондентом Академии наук СССР; с 1947 по 1954 г. заведует Сектором древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, а в 1950—1951 гг. — одновременно и Сектором фольклора ИРЛИ. За безупречную научную работу В. П. была удостоена ряда высоких правительственных наград, ей присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Являясь твердым последователем марксистско-ленинской методологии в литературоведении, В. П. деятельно заботилась о том, чтобы не прервались лучшие традиции старой филологической школы. С помощью В. П. в начале 60-х годов в стенах Ленинградского университета был возрожден семинар по древнерусской литературе по типу «семинариев русской филологии» акад. В. Н. Перетца и акад. А. А. Шахматова, откуда начинала свою научную жизнь сама В. П.

Многообразны темы работ В. П.: поэтика древнерусской литературы и ее художественный метод, проблема взаимоотношения фольклора и древнерусской литературы,⁵ «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», старинный театр на Руси и «хождения» русских людей в неведомые страны, стихосложение и демократическая сатира XVII в., — и каждая из этих тем является новым словом в науке. Понимая всю важность научной организации в работе, В. П. сама участвует в подготовке подсобных библиографических справочников и в составлении «Толковой картотеки древнерусской повести» (картотека велась под руководством акад. В. Н. Перетца с 1915 по 1934 г.). В 1940 г. В. П. публикует две библиографии: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М.—Л., 1940, 110 стр.; Древнерусская повесть, вып. 1. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, 326 стр. Библиография по «Слову о полку Игореве» учитывает переводы и исследования не только на русском языке, но и на языках народов СССР и иностранных языках. Библиография по древнерусской повести включает сведения об изданиях и рукописных текстах оригинальных и переводных повестей XII—XVII вв. Обе книги до сих пор незаменимы, хотя уже и имеют дополнения. Работу над библиографией В. П. понимала как насущную необходимость и вела ее сверх всяких планов, невзирая на болезнь. В одном из писем Н. К. Гудзю этого времени В. П. признавалась: «Работаю очень много. После IV тома Трудов, который меня порядком высосал, сдала в печать сделанную при участии В. Ф. Покровской Библиографию повести (1-й выпуск). Это взяло месяц непрерывной работы часов по 12—14 в день. Сейчас взялась опять за Ист<орию> лит<ературы>. У меня почти готовы (осталась только от-

⁵ В 1948 г. В. П. сообщает Н. К. Гудзю о своем намерении написать монографию «Древнерусская литература и фольклор», впоследствии опубликованную в виде отдельных статей (ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 728, Архив В. П. Адриановой-Перетц, письмо Н. К. Гудзю от 10 октября 1948 г.).

делка) две самые для меня трудные статьи — библейские сказания и гимнография. Я сознательно начала с наиболее трудного, не рассчитывая на свои силы. Вчерне заготовлен материал еще для двух статей. Ведь впереди еще редакторская работа».⁶

Педагогический дар помог В. П. и в организации творческого коллектива авторов первых томов 10-томной «Истории русской литературы».⁷

* * *

Первый том и две части второго тома 10-томной «Истории русской литературы» вышли последовательно в 1941, 1945 (1946) и 1948 гг. под редакцией А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. Однако в силу сложившихся обстоятельств основная доля редакторской и всей научно-организационной работы над томами легла на плечи В. П. О том, как создавалась новая периодизация истории древнерусской литературы, выработывались планы отдельных томов, подбирались авторы разделов, производилось редактирование статей, иногда весьма основательное, свидетельствуют письма В. П. за 1936—1948 гг. к Н. К. Гудзию. Высказанные в этих письмах мысли В. П. по поводу периодизации и художественного своеобразия отдельных памятников, вокруг которых возникали споры в редакции, представляют большой научный интерес и публикуются ниже с незначительными сокращениями.

Работа над «Историей русской литературы», порученная Президиумом Академии наук, была начата Институтом русской литературы в январе 1936 г. с подготовки развернутого плана истории литературы. Благодаря энергичному участию в этой работе В. П., коллектив древников не ограничился переизданием какого-либо из старых курсов истории древнерусской литературы, а принял решение «освежить не только схему, но и самый литературный материал».⁸ В результате план издания был признан очень интересным и «свежим», причем было отмечено, что исполнители его, по сравнению с авторами прежних курсов истории литературы, «шагнули вперед».⁹ К редактированию, возлагаемому на нее, В. П. всегда относилась с чрезвычайной ответственностью. Занимаясь «Историей русской литературы», она уделила особое внимание проблемам периодизации. В связи с работой над второй частью т. II, посвященного литературе XVII в., В. П. пишет Н. К. Гудзию: «Дать XVII век как следует — для меня вопрос моей научной совести».¹⁰ В этом же письме В. П. посылает соредактору свой «новый вариант периодизации. Ее обоснование следующее. До 30-х годов <XVII в.> в лит<ерату>ре господствует тема Смутного времени, причем в 20-х и 30-х годах изображение причин Смуты клонится к тому, чтобы обосновать позицию новой династии, укрепить ее. Идет как бы стабилизация настоящего с помощью критики прошлого. После неудачной войны с Польшей (1634 г.) экономическое положение в стране и недовольство правительством резко обостряются.

⁶ Письмо Н. К. Гудзию от 18 марта 1938 г. Цитируемые ниже письма В. П. к Н. К. Гудзию хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, ф. 728, Архив В. П. Адриановой-Перетц. При публикации текстов писем сокращения раскрыты и даны в угловых скобках.

⁷ История русской литературы. Т. I. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., 1941; т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. М.—Л., 1945 (1946); т. II, ч. 2. Литература 1580—1690-х годов. М.—Л., 1948.

⁸ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 24 января 1936 г.

⁹ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 22 декабря 1937 г.

¹⁰ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 3 сентября 1946 г.

Борьба идет главным образом в городе, среди торгово-ремесленной части посада. Первый результат ее — отказ на соборе 42 г. принять Азов, откровенная критика порядков, администрации и т. д. Затем движение ширится — городские восстания, Уложение и проч. Во весь голос идет критика настоящего. И этим обусловлено появление публицистики, сатиры, повестей, показывающих порывы к новому поколению. 70—80-е годы идут под знаком вооруженных столкновений оппозиции (и правой, и левой — разиновщина и стрельцы, Соловецкое восстание) и — с другой стороны — острой борьбы между „Старой Русью“ и правительственной ориентацией на Запад. Отсюда в литературе два полюса — старообрядческие писания и светская литература (западноевропейского, украинского) типа и своя светская повесть). Одновременно глухая вражда высшей церковной власти к западничеству — борьба вокруг школы и украинского влияния. Между этими двумя литературными полюсами находятся более или менее нейтральные, во всяком случае без ясных отражений эпохи, доживающие традиционные жанры (исторический, легендарно-нравоучительный и т. д.). Хронологически такое распределение проходит благополучно. Вопрос о Повести Горе-Злочастии. Но самая постановка в ней вопроса о борьбе с отцами в таком виде уже невозможна в следующем периоде, когда позиция гораздо резче: или совсем по-старому, или гораздо смелее — по-новому. А здесь решение — как в Повести о Савве Грудцыне».

Эта периодизация, кажущаяся нам теперь вполне привычной, на первых порах требовала развернутых обоснований. Против нее выступал сначала даже и соредактор В. П. — Н. К. Гудзий, продолжавший отстаивать традиционное формальное деление литературы XVII в. на литературу первой и второй половины века — до 50-х годов и после. В письме от 13 февраля 1946 г. В. П. вновь пишет Н. К. Гудзию по поводу предложенного ему нового принципа периодизации литературного процесса: «Так, значит, и не дошла до Вас моя основная идея: периодизация XVII в.? Мне она ясна (как, впрочем, и всему Отделу, не исключая Орлова). Разве Вы не ощущаете, что последняя треть XVII в. резко отличается в литературе двумя противоположными группами именно литературных фактов: с одной стороны, фанатическое отстаивание старины, но в новой национальной форме (старообрядческой), с другой — наплыв переводов с Запада и школьный классицизм. Ведь до этого времени переводились книги, имевшие технический и общекультурный интерес, а литературные произведения переводятся с 70-х годов. Новое — европейское — пришло в это время. И русские ученики Симеона Полоцкого в литературу входят именно в последней трети века. Пойдем дальше назад. Именно со времени земских соборов, осуждавших „злоститренныя московские обычаи“, и в литературе появляется тема критики общественных, бытовых неустройств, т. е. сатира. И протест молодого поколения вырастает в литературе уже к 60-м годам — Савва Грудцын». И, наконец, как не отделить время до 30-х годов, раз в нем господствует своя тема, — Смутное время, — которая и определяет особый расцвет исторических форм. Я строю периодизацию, исходя из наиболее яркого течения. А что рядом, во все периоды, живут и появляются нейтральные произведения, — это дела не решает. И опять валить в кучу материал после того, как в нем нащупаны эти ведущие моменты, право, досадно. Значит — опять по старинке? Неужели мы никогда не попытаемся выбиться из этой расплывчатой механической схемы — первая половина и вторая половина? Надо делить, глядя на то новое, что в каждый из этих моментов входило... За периодизацию я держусь

гораздо больше, чем за детали. И странно, Вам понравилась моя заключительная статья, а ведь в ней моя периодизация отражена вполне отчетливо.

«О величине „введений“. Разве Вы не обратили внимания, что в них собран весь нелитературный материал, рисующий культурную атмосферу, — все переводы, история книгопечатания? Ведь этого же нигде в таком собранном виде нет, и, поверьте, читатель за это не посетует. XVII-й век впервые как следует поднимается, и необходимо дать основательно почувствовать его атмосферу».

Далее в письме говорится, что главная цель книги — «попытаться нащупать... движение, процесс. Конечно, это нелегко, когда памятники в большинстве не датированы, но это наша горькая судьба. Оттого-то мне и не страшны были исторические этикетки, что они определяют и литературное движение. Разве вне истории земских соборов и городских восстаний и происходившей на них критики всего можно объяснить сатиру, — т. е. то новое, что характеризует 40—60-е гг.? А без истории Смуты, — как понять господство именно этой темы в литературе? Я уверена, что при личном общении нам легче было бы договориться. А при Вашем делении, — где грань, 50-«е» гг., куда же я отнесу сатиру: разрезать пополам? Она начинается с 40-х гг. и к 70-м перестает быть ведущей. Пусть она появляется и позже, да не она определяет движение вперед».¹¹

Глубокой продуманности и обоснованности, как видим, требовало и введение в курс «Истории литературы» «нелитературного» материала, который нужен был как фон для объяснения закономерностей литературного процесса. Вводя его, авторы «Истории литературы» не только не предполагали «давать ему равноправное положение с литературным», но и вообще стремились «ограничить его до последней степени»; так, например, «„Жезлы правления“ и прочее даже помещены не в характеристике Симеона Полоцкого как писателя, а в конце главы о старообрядцах, как краткий очерк полемики с ними».¹²

При создании первых томов «Истории русской литературы» были не только заново исследованы и датированы многие литературные памятники, но и дан первый опыт исторической периодизации литературного процесса. Однако, понимая определенную ограниченность исторического принципа периодизации («ведь литературного принципа периодизации мы еще не выработали, и он появится после больших работ по истории стиля»),¹³ В. П. как редактор все же стремится группировать литературные памятники с учетом их жанровых признаков. Так, возражая на замечания Н. К. Гудзия в письме ему, она пишет: «Теперь — мои возражения Вам. Соломония бес«оватая» точно датируется 80-ми годами. Но если бы она и была современна Горю-Злоч«астию», я не помещу ее в один параграф, так как л и т е р а т у р н о это совсем другой жанр. Все же это трансформация жанра „чуда“, а не то, насыщенное фольклором, совершенно новое явление, какое имеем в Горе-Злоч«астии». Карп Сутулов, в моем ощущении, — повелла, типа, который мог у нас появиться после перевода «фацевий». Звезда Пресветлая не только потому должна быть помещена не вместе с Рим«скими» д«еяниями» и Вел«ским» Зерц«алом», что она точно датируется 60-ми годами, а те — 70-ми. Ведь это сборник католических богородичных легенд со своими жанровыми признаками. И я не могу помещать его рядом с сказочно-фривольно-историческими рассказами Рим«ских» д«еяний». Л и т е р а т у р н о — это опять разные вещи.

¹¹ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 13 февраля 1946 г. (разрядка В. П.).

¹² Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 16 января 1938 г.

¹³ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 27 января 1946 г.

Почему сатира — во II разд<еле>, а старообрядцы — в III? Потому что сатира датируется серединой века (Кур и лисица был известен в 40-х годах, Служба кабаку известна в списке 60-х гг.). Ведь и тематически, и стилистически все эти повестушки-пародии повторяют датированные челобитные, которые трактуют о тех же явлениях. И все это неразрывно связано с атмосферой, в которой протекали городские восстания середины века. Если и дальше появлялись такие пародии-сатиры, то ведущим жанром они были как раз в период этих волнений. Иное дело — лит<ерату>ра старообр<ядческая>. Она датируется 70-ми и 80-ми годами. Как раз в это время все вооруженные восстания против правительства (Разин, Соловки, стрельцы) связаны с старообр<ядцами>. И потому-то так энергично боролись с ними именно с конца 70-х годов. Казни 81 и 82 гг. — результат того, что социальная оппозиция связалась вполне отчетливо, и притом агрессивно, с старообр<ядцами> именно в это время. И литературная агитация старообр<ядцев> падает как раз на эти годы, когда их писаниями торговали у Спасских ворот Кремля. Последняя и самая бурная схватка старообр<ядцев>, вооруженная и литературная, происходила накануне реформы еще и потому, что правительство в эти десятилетия перешло определенно к „латинству“ — западничеству. Этой литературной защите старой Руси противостоит новая литература, окрашенная Западом, укр<аинско>-белорус<ская>. А между ними, — более или менее нейтральные, традиционные по теме и форме, — доживают старые жанры. Вот как я рисую себе последнюю треть века. И никаких хронологических и исторических натяжек это не требует. Бой старого с новым достигает высшего напряжения как раз накануне реформы, а не в середине века, когда и правительство еще колебалось — повернуть ли на Запад... Почему я настаиваю на делении второй половины XVII в. гранью — 70-е годы? Я ощущаю вполне определенно движение к реформе, которое затушевывается без этой грани. Запад хлынул в изобилии, между прочим и в литературе как раз после 70 г. Сейчас, когда я кончила и заключительную главу, эта последняя схватка, в которой старая Русь еще очень крепко держится, представляется мне действительным кануном реформы. Больше уже никогда старая Русь не говорила с властью так, как в 1682 г. в Грановитой палате. И это закономерно, и это гораздо более ярко, чем споры Аввакума на церковном соборе с патриархами. Тогда власть еще заискивала перед ним, а масса еще не так активно была втянута в борьбу, как в последней трети века».¹⁴

В. П. — не только редактор, но и автор почти половины второй части т. II «Истории литературы». Завершая древний период «Истории русской литературы» итоговым «Заключением», В. П. подчеркивает: «Основная мысль этой статьи — нельзя разрывать исторический процесс, новая литература во многом продолжает литературные тенденции древней».¹⁵

При редактировании между авторами и редакцией иногда возникали принципиальные споры и точки зрения настолько не совпадали, что дело кончалось заменой статьи одного автора статьей другого. Так произошло со статьей В. Ф. Ржиги о Повести о Горе-Злочастии, которая в конечном итоге была заменена статьей Д. С. Лихачева. Замене предшествовали большая работа над памятником самой В. П.¹⁶ и спор между двумя редак-

¹⁴ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 22 октября 1946 г. (разрядка В. П.).

¹⁵ Письмо В. П. к Н. К. Гудзию от 2 января 1946 г.

¹⁶ В письме Н. К. Гудзию от 10 ноября 1940 г. В. П. пишет: «Горе-Злочастие не имело никакого основания появляться в XVIII в., его тематика — вся предреформенная. Да и интерес книжника к фольклору — того же времени. Но какая это чудесная вещь и какая несомненно индивидуально литературная... Я перечитала

торами — В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзием. В. П. отстаивала необходимость нового освещения этого памятника: «Вы правы: Ржигина статья в „Славии“ солидная, но для „Истории литературы“ он не сумел показать повесть в целом. Я всю его статью (в основных ее частях) включила в новую редакцию, но дала и общую характеристику повести: ведь надо же было показать, как самое характерное в ней, — борьбу лиризма с дидактической схемой. Автор так хотел выдержать нравоучение, а вместо того заразил читателя самым теплым сочувствием к своему несчастному герою. Вот здесь-то и видна предреформенная эпоха, когда все бродило, ни у кого не было устойчивой линии поведения. Помните, как западник, и притом ярый, Ордын-Нащокин кончил жизнь в монастыре? Вот где секрет. И читателю такую повесть надо подать не только с ученым комментарием... Но Ржиге, видимо, трудно было бы сделать это обобщение: он стал на ложный путь и принялся искать в Горе-Злочастии „демона вина“. Ну разве же тут дело в обличении пьянства? А он именно так повернул тему. И, повторяю, главное не заметил — характерной противоречивости повести — и потому не смог убедить читателя, что при старой как будто морали она по существу нова самым своим отношением к жизни — двойственным».¹⁷

Работа по редактированию была утомительной. В. П. писала Н. К. Гудзю: «Я как-то выдохлась на редактуре и чувствую неодолимую потребность освежиться собственной работой. Штопать все время чужие статьи — уже третий год — это несносно».¹⁸ Однако, несмотря ни на что, редакторская работа продолжалась даже в трудные годы Отечественной войны, параллельно с осуществлением новых творческих замыслов. За работой над первыми томами «Истории русской литературы» последовало не менее основательное редактирование (и рецензирование, которое не уступало по существу редактированию) томов ТОДРЛ и множества коллективных и авторских монографий. Это сочетание авторского и редакторского труда не прекратилось и с выходом на пенсию, до самых последних дней жизни В. П.

Для тех, кто лично знал Варвару Павловну и имел счастье у нее учиться, и для новых поколений исследователей — В. П. навсегда останется примером ученого, воспитывающего не только своими трудами, но и своим отношением к труду. Будучи тяжело больна, она считала работу замечательным лекарством, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опускаться на дно болезни».¹⁹

сейчас все песни, и разница в самом понимании Горя очевидна. Да и песни о Горе и добром молодце по сравнению с повестью — такие бледные и отрывочные композиции, где все неясно. А как чудесно все именно композиционно сделано в повести. Большой был талант».

¹⁷ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 17 ноября 1940 г.

¹⁸ Письмо В. П. к Н. К. Гудзю от 11 февраля 1941 г.

¹⁹ Письмо В. П. к М. Н. Тихомирову от 18 мая 1958 г. (Цит. по: С. О. Шмидт. Памяти учителя. Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова. — Археографический ежегодник за 1965 г., М., 1966, стр. 21).